

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.392-399>
EDN: SDYTTP

УДК 94

ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ТАТАРЫ» В ДОКУМЕНТАХ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА ПО ЗАУРАЛЬЮ КОНЦА XVI – XVIII ВЕКА

Г.Х. Самигулов

*Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
Челябинск, Российская Федерация
gayas_@mail.ru*

Резюме. Цель статьи: тезисно рассмотреть эволюцию использования понятия «татары» в документах Московского царства / Российской империи применительно к населению Зауралья и Западной Сибири XVI–XVIII вв.

Материалы исследования. В работе проанализированы материалы источников и реконструировано смысловое содержание понятия «татары» и его изменения в течение рассматриваемого периода. В исследовании использован источниковедческий метод. Источниками являются как давно опубликованные документы, так и выявленные архивные материалы

Результаты и научная новизна. На раннем этапе включения этих территорий в состав Московского царства слово «татары» зачастую вообще не несло какой-либо конкретной языковой либо культурной нагрузки. Оно использовалось, наряду с понятиями «вогулы» и «остяки», для номинации любого ясачного населения лесных и лесостепных зауральских уездов. Более того, эти три понятия были взаимозаменяемы – одни и те же группы населения могли быть названы в документах, как татарами, так и вогулами, либо остяками. На рубеже XVI–XVII вв. произошло распределение обозначений ясачного и служилого населения по уездам. Ясачное и служилое автохтонное население Тарского, Тобольского, Туринского и Тюменского уездов стало называться однозначно татарами.

Но был и ещё один аспект – понятие «татары» в документах, касающихся Зауралья XVII в., употреблялось и как общее обозначение тюркоязычных, либо «степных» народов. Татарами могли называть и ясачных татар Тюменского, Тобольского и т.д. уездов, и башкир, и выходцев из Поволжья, и калмыков, и казахов. Следовательно, наименование татары в источниках конца XVI–XVII в. выступает либо как ситуативное обозначение для ясачного и служилого сословия определённых уездов, либо как обобщающее понятие, включающее в себя различные по идентичности (башкиры и казахи) или языку (казахи и калмыки) группы.

Ключевые слова: Сибирь, уезд, ясачные, служилые, сословия, номинации, XVI век, идентичность, тюрки, границы

Для цитирования: Самигулов Г.Х. Значение понятия «татары» в документах Московского царства по Зауралью конца XVI – XVIII века // Золотоордынское обозрение.

© Самигулов Г.Х., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

2025. Т. 13, № 2. С. 392–399. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.392-399>
EDN: SDYTPP

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20055, <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>

THE MEANING OF THE CONCEPT "TATARS" IN THE MOSCOW KINGDOM DOCUMENTS ON THE TRANS-URALS DURING THE LATE 16th – 18th CENTURIES

G.Kh. Samigulov

*South Ural State University (National Research University)
Chelyabinsk, Russian Federation
gayas_@mail.ru*

Abstract. We habitually perceive the designations "Tatars", "Bashkirs", "Voguls", etc. used in Russian documents of the late 16th – 18th centuries as ethnonyms. Usually, reconstruction of the establishment of certain linguistic/"ethnic" groups is based on the use of these notions in the sources. However, the case with the name "Tatars" is more complicated, as this word often acted as a unifying designation for different groups of communities with similar languages or a similar type of economy. However, this publication focuses on another, somewhat unexpected aspect. The analysis of sources relating to the local population of the Trans-Ural *uezds* during the late 16th – early 17th centuries showed that, at the early stage of the incorporation of these territories into the Moscow kingdom, the word "Tatars" often did not carry any specific linguistic or cultural load at all. It was used, along with the terms "Voguls" and "Ostyaks", to denominate any *yasak* population of the forest and forest-steppe Trans-Ural *uezds*. Moreover, these three concepts were interchangeable – the same population groups could, in documents, be called Tatars, Voguls, or Ostyaks. At the turn of the 16th and 17th centuries there was a distribution of designations of the *yasak* and servant population by districts. The autochthonous population of the Tara, Tobolsk, Turinsk and Tyumen *uezds* began to be unambiguously called "Tatars". This situation undoubtedly influenced the formation of the Siberian-Tatar identity since the use of the name "Tatars" in relation to the local population for three centuries could not pass without a trace. But there was another aspect; the concept of "Tatars" in the documents concerning the Trans-Urals in the 17th century was also used as a general designation of Turkic-speaking or "steppe" peoples. Tatars could also be referred to as Tartars of the Tumen, Tobolsk, etc. districts, and Bashkirs, natives of the Volga region, Kalmyks, and Kazakhs. Consequently, the name "Tatar" in the sources of the late 16th – 17th centuries appears either as a situational designation for the *yasak* and servant class of certain *uezds*, or as a generalised concept that includes groups different in identity (Bashkirs and Kazakhs) or language (Kazakhs and Kalmyks). Thus, it is necessary to rely on the use of the word "Tatars" in this group of sources to reconstruct the history of the current Tatar population in the Trans-Urals and Western Siberia only with great caution.

Keywords: Siberia, uezd, *yasak* people, servants, estates, nominations, 16th century, identity, Turks, borders

For citation: Samigulov G.Kh. The meaning of the concept "Tatars" in the Moscow Kingdom documents on the Trans-Urals during the late 16th – 18th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie* = *Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 2, pp. 392–399. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.392-399> (In Russian)

Financial Support: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-18-20055, <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>

Обозначение «татары» не раз становилось предметом исследований [1, с. 559–561; 7; 8, с. 8–27 и др.], при этом остаётся достаточно много локальных и общих сюжетов, связанных с этим словом, которые ещё ожидают своего исследователя. В предлагаемой статье будет тезисно рассмотрена эволюция использования понятия «татары» в документах Московского царства / Российской империи применительно к населению Зауралья и Западной Сибири XVI–XVIII вв. Задача работы – проанализировать материалы опубликованных и ранее не публиковавшихся источников и реконструировать смысловое содержание понятия «татары» и его изменения в течение рассматриваемого периода. Методы, используемые в исследовании традиционны – источниковедческий метод и максимальное абстрагирование от имеющихся исследований по этнической истории Зауралья и Западной Сибири с наработанными подходами, интерпретациями и стереотипами. Публикация не претендует на охват заявленной темы, скорее является предложением к дальнейшему обсуждению вопроса о содержании терминов, которые традиционно воспринимаются как этнонимы. Источниками являются как давно опубликованные документы, так и выявленные архивные материалы¹.

Использование в русских документах слова «татары» по отношению к жителям Зауралья в период до похода Ермака встречается весьма нечасто, причём как минимум в одном случае определение достаточно чётко локализует ту группу, к которой это название применяется – «татар тюменских» [4, с. 115]. С конца XVI в. положение меняется – название «татары» встречается в документах с 1590-х гг. довольно часто, наряду с «вагуличами» (вогулами) и «остяками». И вот здесь мы сталкиваемся с весьма своеобразной ситуацией. Она знакома всем, кто работал с документами по Западной Сибири конца XVI – середины XVII в., но чаще всего странность этой ситуации ускользает от внимания исследователей. Что я имею в виду? В документах, созданных вскоре после образования первых сибирских уездов обозначение «татары» зачастую используется вместе с названиями «вогулы» и «остяки», причём дифференциации между этими понятиями нет. Иначе говоря, зачастую эти обозначения применяются одновременно, причём не как перечисление разных групп населения, а как обозначения одних и тех же сообществ или отдельных персонажей. Либо же эти обозначения использованы в разных источниках, но применительно к одному и тому же населению. И это касается практически всех западносибирских уездов.

Так, в грамоте Бориса Фёдоровича в Тюмень о постройке острога в Епанчином юрте говорится «А в кою пору плотники, и казаки, и стрельцы, и пашенные люди, и ямщики, и татарове, и остяки, и вогуличи учнут острог и около острогу надолбы ставить, и ты б в те поры нашим людям и к татаром, и к остяком, и к вогуличам держал ласку и бережение великое... А говорил бы еси татром, и остяком и вогуличам...» [5, с. 374–375]. Притом, что в начале документа говорится про татарина Епанчу и в завершении тоже: «А буде та-

¹ Автор приносит благодарность А.В. Белякову, предоставившему возможность воспользоваться материалами «Копийных книг» из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА).

тарин Епанча или которые иные татарове учнут говорить, чтоб в их юрте острогу для обид и всякого насильства не ставить...» [5, с. 374–375]. Чуть позже, в указе о приписке к Туринску нескольких юртов, ранее плативших ясак в Тюмень опять фигурируют «татарове, и остяки, и вогуличи», Епанча (Япанча в документе) оказывается «остяцким головой», «а вверх по Туре... в тех юртах пашенные остяки... выше того юрта пал в Туру Тагил, а выше Тагильского устья пашенных тотар нет» [5, с. 378–379]. В грамоте следующего, 1601 г. в Туринск то же самое население названо уже исключительно остяками, причём «И те деи остяки Епанчин брат Тувонга Кувандыков и в товарищей своих место 50 человек, которые жили с Епанчёю» [5, с. 384–385]. В конце 1601 г. в отписке туринского головы верхотурскому воеводе о переходе в ведение Верхотурского уезда части ясачного населения по Туре и Тагилу практически везде эти ясачные люди названы «Туринскими вагуличами». При этом весьма любопытна формулировка в конце документа: «И яз, господине, тем Туринским вагуличам от усть Тагила по Туре реке вверх, Кайманчи с товарищи, к вам на Верхотурье имяна, роспись им с ясашных книг, сколько на котором татарине по Тюменской росписи, на женатом и на холостом, в прошлом во 109-м году взял государева ясаку Федор Янов и сколько на котором вагулетине осталось взяти государева ясаку в доимки тово збору» [5, с. 397]. Если интерпретировать все эти номинации («татары», «вогулы», «остяки») как этнонимы, то получится совершенно фантастическая картина — люди меняли этническую принадлежность в течение считанных месяцев! Естественно, ничего подобного не было. Просто чиновникам было совершенно всё равно как называть ясачное население, и они использовали по случаю тот или иной вариант из имеющегося достаточно небогатого набора.

Это подтверждается и документами по другим уездам. Указ о постройке Тарского города 1593 г.: «А которые князьки и остяки учнут послушаться, и государева ясаку не учнут платити, и в государев город не учнут приходить... А которые князьки и татарове государю служат...» [5, с. 352–356]. Те же формулировки в наказной памяти в Тару 1595 г.² Наказная память 1597 г.: «...и ясачные книги, по чему з городков и с волостей ясачных людей, с князьков и с тотар, которые городки и волости пошли от Тобольскаго города вверх по Иртышу к новому городу к Таре, и которые волости пошли выше нового города Тары, с которых городков и с волостей государев ясак збираетца... А которые князьки и остяки учнут послушатца...»³. Понятно, что это стандартные формулы, но текст документа не даёт оснований считать, что фразы «князьки и остяки» и «князьки и татары» относятся к разным группам населения. В каждом случае речь идёт если не обо всём иноземческом населении уезда, то, по крайней мере, о тех его частях, которые «ослушаются» либо наоборот «служат». Вряд ли можно всерьёз считать, что татары обязательно «служили», а остяки были исключительно слушниками. Скорее стоит признать, что фразы «князьки и остяки» и «князьки и татары» в этих документах являются взаимозаменяемыми.

Население Большой Конды в грамоте в Пелым 1596 г. называется «ясачные татары» [5, с. 364–365]. Так же обозначено в указе того же года ясачное население Малой Конды [5, с. 366]. В грамоте 1600 г. население Большой Кон-

² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 4 об.–5.

³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 32–32 об.

ды обозначено как «вагуличи» («мурзы и вагуличи»), причем источником служила челобитная местных жителей [5, с. 377–378]. Из других документов мы узнаем, что на Большой Конде жили остяки [5, с. 401–402]: «...писали к нам в Тоболеск с Березова воеводы Степан Волынский, Юрий Стромилов, что в нынешнем во 117-м... да абыз же сказывал им, что послал он с усть Конды кондинского князька Четыря в верх по Конде во всю Кандинскую землю к остяком для измены, и кондинские остяки все с ними войною под Тобольск готовы» [6, с. 248–249]. Грамота в Пелым 1608 г.: «И как к вам ся наша грамота придет, и вы б Пелымского уезда и Конды Большие и Конды Меньшие со всех с ясачных людей, с татар и с вагулич...» [6, с. 241]. В отписке пелымского воеводы туринскому коллеге 1612 г. ясачные люди Пелымского уезда неоднократно обозначены как «вагуличи», «пелымский ясачный вагулятин» [6, с. 261]. В царской грамоте в Пелым, написанной на основании отписки местного воеводы, 1613 г.: «в прошлом во 120-м году была в пелымских вагуличах шатость великая, многие вагуличи в ызмене переиманы и перевешены... он побегал в Конду жить в вагуличах таем... И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б про их шатость и измену писал к нам подлинно: какая их к нам шатость и измена, чтоб нам было ведомо; а тем бы ясачных татар не жесточил, в городе их без улики вперед не держал» [6, с. 266]. В цитированном документе, в той его части, которая излагает содержание воеводской отписки, ясачные люди фигурирую как «вагуличи», а в той части, которая является творчеством московских приказных, вдруг появляется обозначение «татары», явно в отношении того самого ясачного населения. Также и в царской грамоте 1609 г.: «писали есте к нам, что по нашей грамоте велено вам Пелымского уезда и Конды Большие и Меньшие с ясачных людей, с татар и с вагулич... а как Пелымского уезда и Кондинские татарови и остяки и вагуличи» [6, с. 250–251].

Можно было бы продолжить цитирование подобных источников дальше, но представляется, что необходимости в этом нет – общая картина и так ясна. Подборка выдержек из документов показывает следующую ситуацию: к началу включения территорий Западной Сибири в состав Московского царства в обиходе этого государства имелось несколько обозначений, использовавшихся для наименования местного населения ещё в Приуралье. Этими же номинациями стали обозначать население новых уездов. При этом обычно обозначения групп населения не имели никакой привязки к их языку, культуре, типу хозяйства. Более того, первоначально слова «вогулы», «остяки», «татары» использовались как взаимозаменяемые, что хорошо видно на примере процитированных выше выдержек из документов. Любопытно, что ситуации «путаницы» в наименованиях групп населения встречаются и в документах конца XVIII в. В 1791 г. Дворянский заседатель Тобольского нижнего земского суда Серебренников доложил о результатах опроса вогул: «вагульских волостей татара объявили, что они на состоящие в их владении никаких крепостей и жалованных грамот не имеют, а жительствоуют по прежнему заселению их претков, и пашенными землями, сенными покосами, рыбными и звериными промыслами довольствуютца по тем самым урочищам, где прадеды и отцы владели»⁴.

В самом конце XVI в. местные уездные власти Западной Сибири, очевидно, приходят к соглашению относительно распределения номинаций, и происходит некоторое упорядочение использования названий ясачного населения в

⁴ Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. 341. Оп. 1. Д. 154. Л. 18.

уездах Западной Сибири, в Верхотурском и Пелымском уездах устанавливается обозначение ясачные вогулы, в Сургутском, Березовском, Нарымском и Кетском – остяки, в Тарском, Тобольском, Туринском и Тюменском – татары и т.д.⁵ И эта система существовала вплоть до советского времени. И устоявшиеся обозначения сыграли свою роль в формировании этнических групп, либо же представлений о них. Любопытно, что ситуации «путаницы» в наименованиях групп населения встречаются и в документах конца XVIII в. Необходимо понимать, что от того, что номинация «татары» в этом случае применялась преимущественно к тюркоязычному населению, она не переставала быть сословной, то есть обозначением сословных групп ясачных и служилых татар, которые были вовсе не однородны. В качестве примера можно привести сюжет, отражённый в статье Д.А. Васькова: «из Сибирского приказа пришло распоряжение: бывших татарских «изменников», включая калмыков, отправить из Тары в Тобольск, привести к шерти, отдать на поруки и «поверстать в службу с тоболскими татары, хто кому в версту, а иным велети быть в захребетных и в ясачных татарех, и устроить их пашнями в Тоболском уезде, где пригож, из порозжих земель. И для иноземства держати к ним ласку и привет и бережение, смотря по тамошнему делу и от [...] их от обид оберегать, чтоб им ни от кого напрасного оскорбления не было» [2, с. 43]. Для уточнения – калмыков было около 60 человек, и они были просто включены в сословные группы тобольских служилых, захребетных и ясачных татар. А один из документов, касающийся уплаты ясака одной из групп, включённых в состав ичкинских татар в 1730–1740-х гг., упоминает таких ясачных татар как Савелий Иванов, Борис и Абрезак (Абразак?) Савельевы, Мамай Иванов⁶.

Существовала и другая сторона понятия «татары» в документах XVII–XIX вв. Этим словом могли обозначить несколько разных групп населения, как в документе 1662 г.: «...а воровские де татары были башкирцы и калмыки и Тюменсково и Епанчинсково ясаку и вогуличи Верхотурские» [9, с. 687]. В 1595 г., в грамоте царя Вельямину Степанову, посланному к хану Тевеккелю: «...велел Вельямину Степанову ехать для своего государева дела в Казатцкую орду к Тевкелю-царю и к царевичам, а с ним отпущены в Казатцкую орду посол Тевеля-цаля Кулмагмет да шахов человек Дервиш-Магмет... а после посольства приказати к царю с татаринном Кулмагметом, который приходил ко государю в послех» [3, с. 6–7]. При этом в документах использовалось и верное обозначение – «казаки», «казачий народ» [3, с. 21–25]. В 1734 г. чиновники так описывали свою поездку в зауральскую часть Уфимской провинции: «и они велели ехать к старейшинам, где имеетца их татар собрание башкирское... многие татара приехали к ним и с ними из татар Казачьи орды...». Эта функция понятия «татары», как некоего «надэтнического» маркера, достаточно хорошо известна, поэтому останавливаться подробно на ней нет необходимости. Хотелось бы отметить только, что зачастую слово «татары» использовалось в таких ситуациях без поясняющих добавок про башкир или

⁵ Более подробно этот вопрос, так же, как и эволюция использования понятий «вогулы» и «остяки» рассмотрены в статье «О значении понятий «вогулы» и «остяки» в документах XVI–XVII веков», принятой к публикации в журнале «Российская история». Поэтому в рамках настоящей статьи эти моменты прописаны тезисно, чтобы не дублировать содержание другой публикации.

⁶ РГАДА. Ф. 613. Оп. 1. Д. 472. Л. 13–14.

⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 172. 958–958 об.

Казачью орду. Поэтому далеко не всегда можно легко определить, о какой именно группе идёт речь в документе.

В заключение необходимо констатировать, что реконструировать «этнический» / языковой состав населения западно-сибирских уездов, опираясь на данные документов конца XVI – начала XVII в. чаще всего весьма проблематично, если вообще возможно. Понятие «татары», как обозначения «вогулы» и «остяки» в них могли быть использованы для обозначения практически любой группы населения. При этом, как показано выше, эти номинации были взаимозаменяемы и одни и те же группы населения оказывались то «вогулами», то «остяками», то «татарами». Позже слово «татары» выступало в качестве обозначения ясачного, служилого и захребетного населения Тарского, Тобольского, Туринского и Тюменского уездов (с поправкой, что в Туринском уезде не было служилых, а, следовательно, и захребетных татар). Но поскольку это было сословное обозначение, то остаётся открытым вопрос о времени формирования сибирско-татарской идентичности. Иначе говоря, с какого времени мы можем говорить не о ясачном (служилом) населении этих уездов, называемом татарами, а именно о сообществе людей, которые считали себя сибирскими татарами. Последний момент – частое использование понятия «татары» как маркера тюркоязычного или «степного» народа, или группы народов, зачастую вовсе не соотносивших себя с татарами, достаточно хорошо известно, и лишь усугубляет необходимость быть осторожными при интерпретации сообществ, обозначаемых с его помощью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В.В. Татары // Сочинения: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, 1968. Т. 5. С. 559–561.
2. Васьков Д.А. «Выезжие» калмыки и калмыки-коурчаки в структуре ясачного населения Тарского уезда на рубеже XVII–XVIII вв. // Служилые и ясачные люди в России XV–XIX вв.: особенности землевладения, сословные номинации: сборник статей. Вып. 2. Челябинск: ФССКН «Общественный фонд «Южный Урал», 2024. 170 с.
3. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской АССР, 1961. 741 с.
4. Маслюженко Д.Н., Рябина Е.А. Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 115–123.
5. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. 3-е изд. / Ред. кол. Батянова Е.П., Вайнштейн С.И. и др. М.: Вост. лит., 2005. 630 с.
6. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. Изд. 2-е дополненное / Ред. кол. Батянова Е.П., Вайнштейн С.И. и др. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 796 с.
7. Мустакимов И.А. Очерк истории этнонима «татар» в Волго-Уральском регионе [электронный ресурс]. URL: <https://xn--80ad7bbk5c.xn--p1ai/ru/content/ocherk-istorii-etnonima-tatar-v-volgo-uralskom-regione-0> (дата обращения: 06.04.2025).
8. Нанзатов Б.З., Тишин В.В. К истории татар Внутренней Азии: опыт идентификации племенных названий // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 1. С. 8–27. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-1.8-27>
9. Шишонко В. Пермская летопись с 1263–1881 г. Третий период с 1645–1676 г. Пермь: типография Губернской земской управы, 1884. 1168 с.

REFERENCES

1. Bartold V.V. Tatars. Essays: Works on the history and philology of Turkic and Mongolian peoples. Vol. 5, Moscow: Nauka, 1968, pp. 559–561 (In Russian)
2. Vas'kov D.A. "Itinerant" Kalmyks and Kalmyks-Kourchaks in the structure of the yasak population of Tara uezd at the turn of the 17th–18th centuries. Servants and yasak people in Russia 15th–19th centuries: features of land ownership, class nominations: a collection of articles. Iss. 2, Chelyabinsk: Yuzhnyy Ural, 2024. 170 p. (In Russian)
3. Kazakh-Russian relations in the 16th–18th centuries. Collection of documents and materials. Alma-Ata: Kazakh ASSR Academy of Sciences Publ., 1961. 741 p. (In Russian)
4. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. The campaign of 1483 and its place in the history of Russian-Siberian relations. *Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2014, no. 1 (24), pp. 115–123 (In Russian)
5. Miller G.F. History of Siberia, vol. I, 3rd edition. Edited by Batyanova E.P., Vainstein S.I. et al. Moscow: Vostochnaya literatura, 2005. 630 p. (In Russian)
6. Miller G.F. History of Siberia, vol. 2. 2nd edition, supplemented. Edited by Batyanova E.P., Vainshtein S.I. et al. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000. 796 p. (In Russian)
7. Mustakimov I.A. Sketch of the history of the ethnonym "Tatar" in the Volga-Ural region [electronic resource]. URL: <https://xn--80ad7bbk5c.xn--p1ai/ru/content/ocherk-istorii-etnonima-tatar-v-volgo-uralskom-regione-0> (date accessed 06.04.2025). (In Russian)
8. Nanzatov B.Z., Tishin V.V. On the history of the Tatars in Inner Asia: the experience of identification of tribal names. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 1, pp. 8–27. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-1.8-27> (In Russian)
9. Shishonko V. Perm' annals from 1263 to 1881. The third period from 1645–1676. Perm': printing house of the Provincial Zemstvo, 1884. 1168 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаяз Хамитович Самигулов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (454080, проспект Ленина, 76, Челябинск, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4695-5633, ResearcherID: T-6331-2017. E-mail: gayas_@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gayaz Kh. Samigulov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Eurasian Studies Research and Education Centre, South Ural State University (National Research University) (76, Lenin Avenue, Chelyabinsk 454080, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4695-5633, ResearcherID: T-6331-2017. E-mail: gayas_@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 08.04.2025

Поступила после рецензирования / Revised 16.05.2025

Принята к публикации / Accepted 04.06.2025